

СИЛА ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ

*Е. А. Иваненко
М. А. Корецкая
Е. В. Савенкова*

Зеркало и субъективность или рефлексы рефлексии

«А у Вас вся спина белая...» — это замечание вызывает у нас чувство собственного бессилия, унижительной беспомощности в невозможности увидеть собственную спину. Тело невольно совершает судорожное рудиментарное движение в нелепой попытке удовлетворить безотчетно жгучее желание видеть все своими глазами. Мы привыкли к постоянному визуальному контролю внешности — дисциплина поверхности является неотъемлемым и неизбежным компонентом жизни в социуме. Способность корректировать свой облик, устранять недостатки является, по меньшей мере, свидетельством моей адекватности. Потому крайне неприятно, что кто-то видит мой изъян, а я — нет. Неважно, что с физиологической точки зрения осмотреть себя со всех сторон невозможно — человек не крабик с глазами на ниточках — мы давно перешагнули границы физиологии, и наша власть претендует на престол всевидения в более широких пределах. И здесь мы располагаем целым арсеналом средств, из которых почетное место и всенародное признание присуждено зеркалу. Миллионное и миллиардное присутствие зеркал в мире повседневности, многократно умножаемое игрой отражения в отражениях, подарило нам способность к сверхзрению. *Veni, vidi, vici* — так осуществилось завоевание невозможной территории: увидев, мы победили, но кого и в какой войне?

Что дает нам возможность видеть сверх обычного зрения? Откуда берется шизоидная потребность посмотреть в глаза самому себе? Что происходит в момент, когда мы в людной суете торгового центра случайно замечаем в зеркальной стене отражение, и, мгновение спустя, опознаем его как свое, едва успевая заметить изменение, искажение лица узна-

ванием? Выходя из дома, бросить на себя взгляд в зеркало — все ли в порядке? — что может быть естественней и проще? Эта привычка, конституирующая нашу повседневность последние несколько столетий¹, сегодня воспринимается нами как данность, чуть ли не антропологическая предзаданность, как одежда или речь. Видеть себя и распоряжаться собственным обликом, опираясь на отражение, для нас *естественно*. Что будет, если проблематизировать эту неестественную естественность? Каких берегов достигнут волны, поднятые этой проблемой? И что за ландшафт скрывается под этими волнами?

Забавно, но необходимый материал, из которого можно сделать ответы на эти странные вопросы, мы нашли в энциклопедии абсурдного знания о простых вещах, а именно, в «Хазарском словаре»² в статье о принцессе Атех. Итак, принцесса Атех...

* * *

(...) Атех — хазарская принцесса (...), говорят, что (...) было у нее семь лиц. Молитва принцессы Атех: «Я выучила наизусть жизнь своей матери и каждое утро в течение часа разыгрываю ее перед зеркалом, как театральную роль. Это продолжается изо дня в день много лет (...) если кто-нибудь сейчас спросит меня, к чему столько игры, отвечу: я пытаюсь родиться заново, но только так, чтобы получилось лучше...»

Перефразируя известный риторический вопрос: «Пахнет ли роза, когда ее никто не нюхает», — принцесса Атех могла бы спросить: «Есть ли у меня лицо, когда его никто не видит?» Лицо как знамя, манифестирующее присутствие *Я*, возникает только в пространстве взгляда, причем взгляда сложноорганизованного, опирающегося на предположение Другого. Чтобы разглядеть саму себя в зеркале, Атех была вынуждена играть роль собственной матери, на некоторое время уступая ей место своего лица, только затем, чтобы иметь

¹ О роли, которую играет зеркало в сфере повседневности, а также об истории зеркала в европейской культуре см. превосходную книгу Сабин Мельшиор-Бонне «История зеркала» (*Мельшиор-Бонне, С. История зеркала. М. : Новое литературное обозрение, 2005*).

² *Павич, М. Хазарский словарь. СПб. : Азбука, 2001. С. 29-33.* (Далее по тексту фрагменты курсивом представляют собой отрывки «Хазарского словаря» Милорада Павича).

возможность сконструировать свое. Можно подумать, что эта игра с присвоением — клинический случай. Но ничего подобного, каждый из нас разыгрывает роль принцессы, прилаживая перед зеркалом для выхода в люди одно из имеющихся в запасе лиц. Выносимое на обозрение лицо должно соответствовать ожиданиям других и моим представлениям о собственной социальной роли. Но другие не будут смотреть на меня, пока я сам не посмотрю на себя достаточно долго для того, чтобы сделать себя «смотрибельным». Речь идет не только о макияже; в каком-то смысле любой взгляд в зеркало производит коррекцию лица — мимические мышцы подстраивают внешность под взгляд даже непроизвольно. Зеркало — самый древний, простой и эффективный инструмент превращения себя в зрелище. Перед зеркалом с нами происходит интересная метаморфоза — смотрит не *Я*, но некое *Мы*, те, перед кем мне надлежит предстать, вынося на обозрение свое лицо. Я смотрю на себя как публика, глазами множества. Существовать — это уже не просто быть воспринимаемым, по словам Нанси, существовать сегодня — быть выставленным на показ друг другу. Потому я, находясь перед зеркалом, как принцесса Атех, никогда не бываю наедине с собой. Даже такие интимные моменты как выщипывание бровей или бритье сопровождаются общим фоном предугадывания взгляда Другого, которого следует исключить из процесса для наиболее эффектного представления результата.

В отражении я для себя другой, и по инерции я могу воспринимать других как отражение. Одиноким алкоголикам видимо что-то такое подозревают, поскольку предпочитают выпивать с зеркалом. Такая простая вещь как зеркало на поверку оказывается сложным инструментом, производящим симулякр социума. Для современного жителя мегаполиса, который вступает в контакт с отражением чуть ли не чаще, чем с другим индивидом, имеет место быть зеркальный солипсизм; взаимоотношения «я — общество» строятся по принципу «я — множественные перспективы отражения».

Если мое отражение — это гарант моей подлинности, то другие могут быть уже не нужны. Согласно постулату традиционного сознания в зеркале видно только то, что есть, в силу чего зеркало могло служить критерием подлинности существования. Потому-то вампиры и прочая нежить не удо-

стаивались высокой онтологической чести отражаться в зеркалах. Сегодня происходит инверсия: теперь есть только то, что отражается, а именно само отражение. Действительно, если при взгляде в зеркало пространство моего тела занимает некий публичный зритель, строго оценивающий мой образ в зеркале, то наиболее подлинным во всей этой конструкции следует считать сам процесс отражения-смотрения, так как он единственный не претерпевает смещения и совпадает с самим собой. В этот момент, несомненно, происходит что-то весомое. Известен интересный факт: в одном офисном небоскребе Нью-Йорка существовала проблема перегруженности лифтов, в часы пик служащие вынуждены были простаивать в очереди к ним долгое время. Посыпались жалобы владельцам здания с просьбами увеличить количество лифтов, чтобы разгрузить людской поток. Но архитектурная конструкция не предполагала возможности устройства дополнительных шахт, и тогда дирекция решила проблему с гениальной простотой — перед дверями лифтов стены помещения покрыли зеркалами, и ожидающие люди перестали воспринимать время ожидания как утомительное и потраченное впустую.

* * *

Согласно одному из преданий, каждое утро она брала зеркало и садилась рисовать, и всегда новый раб или рабыня позировали ей. Кроме того, каждое утро она превращала свое лицо в новое, ранее не виданное.

Приводя себя в *порядок* перед зеркалом, всякий раз мы имеем в качестве эталона некий набор черт, который мы считаем *правильным*. Правила этого порядка существуют в культуре как бы сами по себе: меняясь по содержанию, они сохраняют свою формальную диктатуру. Кто этот порядок установил? Это вопрос без ответа. Можно только сказать, кто этому порядку подчиняется. Любой, *приводящий* себя в *порядок* перед зеркалом. Из самого словооборота видна силовая структура самодисциплинирования, себя надо заставить, привести к некоему порядку, который, как всякая красота, непременно требует жертв. Масштаб жертвований может быть различен — от волос, оставленных в парикмахерской, до удаленных ребер и голодных обмороков с леталь-

ным исходом на подиуме. Можно сказать, что такая мания соответствия — это тяжкий процесс становления чистой поверхностью, на поддержание которой требуются мегаусилия, в той или иной мере опустошающие гламуризованную жертву. Все происходящее продолжает логику платонизма: вещь никогда не бывает настолько же хороша, как идея, реальное тело (даже тело модели) никогда не может быть настолько же хорошо, как сама Модель. Это несоответствие порождает вечное недовольство собой, и в качестве наиболее одиозного примера такого недовольства следует вспомнить Майкла Джексона. Всем известный король поп-музыки иллюстрирует собой катастрофу самосовершенствования: тело, во всех смыслах не выдерживающее гнета идеи. Таким образом, приведение себя в порядок как господство над собой может обернуться на деле рабским безоговорочным подчинением. Фотомодели, масс-медийные персонажи по сути являются рабами собственного имиджа, они принадлежат не себе, а отражению в зеркале. И наверняка, каждое утро целый отряд стилистов-визажистов усаживает их перед зеркалами и начинает рисовать, и всякий раз новое лицо с обложки глянцевого журнала позирует им.

* * *

Некоторые считают, что Атех вообще не была красивой, однако она научилась перед зеркалом придавать своему лицу такое выражение и так владеть его чертами, что создавалось впечатление красоты. Эта искусственная красота требовала от нее столько сил и напряжения, что, как только принцесса оставалась одна, красота ее рассыпалась так же, как ее соль.

Удивительная человеческая склонность — увидев свое отражение, немедленно хвататься за расческу. Известно, что животные, по крайней мере, живущие в человеческой среде, опознают свое отражение, но не имеют потребности пользоваться зеркалом как инструментом самокорректировки. Животные корректируют свой образ не перед зеркалом, а перед своим собратом.

Зеркало гарантирует нашу защищенность — наличие в дамской сумочке маленького зеркальца обеспечивает возможность контроля и корректирования собственного образа, кото-

рый является гендерным оружием. Любопытно, что на Руси XVII века «зерцалом» называли доспехи из полированного металла. И действительно, зеркала во многом, как доспехи, — не только защищают от безобразия, но и не позволяют расслабиться. Известен факт, что Мэрилин Монро, будучи в зените своей славы, имела привычку, оставшись дома одна, ходить нагишом (то есть, в случае Монро, в полном боевом облачении), разглядывая свое тело в многочисленных больших зеркалах, расставленных по всему дому. Ни одной незаконной морщинке не давалось ни малейшего шанса. Такая вот суровая самодисциплина самолюбования. Умение всегда выглядеть «со стороны». В каком-то смысле, это будет покруче кантовского морального императива. Зеркало здесь выполняет критическую функцию, являясь одновременно и критикой, и критиком. В противном случае красота как порядок рассыпается как соль.

* * *

О принцессе Атех известно, что она никогда не смогла умереть. Правда, существует запись (...), где говорится о ее смерти. Это (...) не рассказ о том, что принцесса Атех действительно умерла, а рассуждение о том, могла ли она вообще умереть.

Принцесса Атех во многом ведет себя как заправский субъект, эпитафии на смерть которого устойчиво возникают не первые десятилетия, что заставляет задуматься о том, умер ли он вообще. Пожалуй, вслед за Павичем, стоит различать событие и рассказ о событии. Но как быть, если тот, о смерти которого идет речь, существует только как персонаж, как наррация? Тогда *рассказ* о его смерти, с одной стороны, означает не что иное, как маленькое убийство, с другой же стороны, будучи воспроизводимым, он способен парадоксальным образом продлевать его жизнь. Аналогия между принцессой Атех и субъектом не исчерпывается их странным отношением с собственной смертью, их роднит также зеркаломания. Очевидно, что принцесса, так же как и служащие Нью-Йорка, не считала время, проведенное перед зеркалом, потраченным впустую. Мифическая принцесса и реально существующие люди сталкиваются (в буквальном смысле) перед зеркалом с самоопределением. Процесс смотрения в зеркало, минимализиро-

ванный до своих основ, может быть выражен словом «субъект», взятым в контексте всем известных значений приставки sub- и корня jectus. Суб-ект — это *процесс* соотношения с зеркалом, где зеркала как объекта в момент смотрения нет, да и меня как некой данности нет; но на лицо некое вбрасывание и претерпевание формирования себя. Возвратность как действие, чистое *как* делающее вид, что оно *что* и даже *Кто*.

Смотрение в зеркало — реактивное инверсивное следствие европейского ума, наследие принципов *рацио*, превращенных в культурные формы. Сейчас остались одни следы, причем их так много, что не видно исходной сущности. Рефлексия трансформировалась в *рефлекс рефлексии*, машинальное действие без посредства самого ума. Всеобщая зеркализация повседневности неслучайна: овеществленная рефлексия в виде зеркал прочно заняла свое место в культуре *рацио*. Преизбыток зеркальности в наши дни, местами доведенный до абсурда, как, например, в холлах имиджевых зданий, где зеркальное *все* просто дезориентирует в пространстве, может быть расценен как опережающая компенсация некоего скрытого недостатка. Сейчас культура производит преизбыток заранее с таким размахом, чтобы никто не успел почувствовать недостаток. Нанести превентивный удар, начать пить до того, как почувствуешь жажду. Форма субъекта возобновляется в повседневной практике еще до того, как кто-то посмеет осознать его утраченность. Кому есть дело до того, что Субъект как метанарратив более невозможен? Ну и что с того? Субъект умер? Ах, какое горе... Дайте зеркальце, не потекла ли тушь?...

* * *

Быстрое и медленное зеркало

...Чтобы развлечь принцессу, слуги принесли ей два зеркала. Они почти не отличались от других хазарских зеркал. Оба были сделаны из отполированной глыбы соли, но одно из них было быстрым, а другое медленным. Что бы ни показывало быстрое, отражая мир как бы взятым в долг у будущего, медленное отдавало долг первого, потому что оно опаздывало ровно настолько, насколько первое уходило вперед.

Зеркало — это привычка европейского ума, его любимая забава. Симптоматично, что зеркала изобретались повсеместно, но широкое распространение получили, в первую оче-

редь, в Европе, причем начиная с XVI века. То есть европеец пристрастился к разглядыванию себя в полный рост как раз тогда, когда пристрастился считать себя субъектом. Человек, смотрящийся в зеркало — это машина опыта. Это механизм, где один импульс приводит в движение другой и результирующим продуктом является *моя* внешность в *моей* памяти, опыт о самом себе. Поэтому просветители вовсю использовали зеркала в дидактических целях, как отличное средство самообразования.

Во многих архаических и традиционных культурах до сих пор существует недоверие к зеркалам, поскольку считается, что они способны украсть душу смотрящихся в них. В европейском же культурном пространстве, напротив, доминирует, скорее, тотальное доверие к зеркальному отражению. В этом смысле, подарок Колумба индейцам — бусы и зеркала — является в высшей степени европейским: культурный подкуп послужил прелюдией конкисты и началом экспансии Европы в Новый свет. Не зря мудрые индейцы опасались, что зеркала похитят их души — они стали заманчивыми ловушками, втянув целые народы в резервации *когито*. Теоретичность зеркал выразилась в их широком применении для построения структур, действующих принципы новоевропейского *рацио*, — в архитектуре, живописи, оптике, медицине: то есть везде, где требуется техника надстроенного, сверхестественного зрения. Так, для того, чтобы увидеть недоступное «собственными глазами», пытливый ум превращает зеркало в элемент микроскопа, телескопа и целого ряда медицинских приборов и т. д.; кроме того, зеркало и отраженная перспектива становятся неотъемлемым приемом в живописи и архитектуре. На уровне повседневности эта зеркальная надстройка зрения проявляется в желании видеть себя со всех сторон. Например, трельяж как особая форма зеркала моделирует возвратный круговой взгляд. Это претензия на панорамное зрение, которая чревата радикальным смещением точки взгляда — то ли я из центра смотрю на разные ракурсы себя, то ли я с различных точек зрения разглядываю себя в центре. Я, смотрящееся в зеркала, совершает невероятный жест, оказываясь одновременно и гладиатором и зрителями в Колизее.

Зеркало как оптический инструмент служит для выстраивания оформленной дистанции, то есть перспективы. Оно

способно возвращать взгляд к себе самому через систему опосредований, замедляя его ровно настолько, чтобы сделать видимым. Таким образом, зеркальность — это пространственный образ возвращения субъекта к самому себе. Неудивительно, что слово «рефлексия» точно ухватывает суть и отражения и субъективного мышления. Понятно, почему зеркало и развлекает субъекта, и формирует его. Простое действие смотрения в зеркало в буквальном смысле раз-влекает: извлекает индивида, растаскивает, дистанцирует от множественных, как лица принцессы Атех, взаимосвязей с миром и заново конструирует, собирает его, как субъекта. На время. Различие меня от меня же самого, поставленное зеркалом, является условием субъективности, подобно кантовской априорной форме времени. К слову сказать, быстрое и медленное зеркало иллюстрирует именно этот временной принцип: связанные долговыми отношениями, прошлое и будущее (или медленное и быстрое зеркала) обращены своими перспективами ко мне как точке различия. Я как кредитор должен контролировать и то, и другое, чтобы не только удерживать единство сознания, но еще и держать его открытым для изменений.

* * *

Когда зеркала поставили перед принцессой Атех, она была еще в постели и с ее век не были смыты написанные на них буквы. (По ночам на каждом веке она носила по букве. (...)) Это были буквы запрещенной хазарской азбуки, письмена которой убивали всякого, кто их прочтет. Буквы писали слепцы, а по утрам, перед умыванием принцессы, служанки прислуживали ей зажмурившись. Так она была защищена от врагов во время сна, когда человек, по поверьям хазар, наиболее уязвим.)

Для архаического сознания глаз — это то, что видит мир; для рационального сознания глаз — то, что не видит себя. Данность одна и та же в обоих случаях, но как по-разному поставлены акценты! В первом случае четко известны границы того, что дозволено видеть: некие «запрещенные буквы» просто убивают. Во втором же — мира не существует, пока я не вижу то, чем я вижу. Этот зуд визуального беспокойства порождает избыточную страсть к смотрению в зеркало. Жажда видеть себя, и даже точнее — видеть то, что видит глаз, видящий себя. Неслучайно наименьшее зеркало — это то, раз-

меры которого соответствуют глазу. Такое зеркало уже может считаться достаточным. Однако эта жажда не может быть утолена: взглядоразмерное зеркальце подобно замочной скважине, в которую мы подглядываем за миром в надежде увидеть закулисы этого захватывающего зрелища, увидеть то, что охраняет субъекта, пока он спит. Поэтому Я остается беспокояще невидимой точкой начала перспективы, точкой проседания мира, буквой запрещенной хазарской азбуки.

* * *

В зеркале она увидела себя с закрытыми глазами и тотчас умерла. Принцесса исчезла в два мгновения ока, тогда, когда впервые прочла на своих веках смертоносные буквы, потому что зеркала отразили, как она моргнула до и после своей смерти. Она умерла, убитая одновременно буквами из прошлого и будущего...

Прошлое и будущее принцессы заговорщицки перемигнулись между собой и убили ее. Субъект рассыпается, когда видит конструкции, позволяющие ему видеть себя. Истина о себе смертоносна. Раз отсутствие самообмана смертельно, то можно сделать далеко идущий вывод: субъект всегда есть только эффект самообмана. В пике доктрине Просвещения с ее декларацией абсолютной прозрачности субъекта для самого себя можно сказать, что субъект всегда непроизвольно темнит, вглядываясь в самого себя, подобно тому, как индивид делает себя перед зеркалом, рефлекторно меняя мимику. Да, субъект лжет, причем, прежде всего самому себе, и иначе не может; с этим стоит смириться. Да и современные психологи утверждают, что подобная ложь есть признак здоровой субъективности.

Субъект как действие смотрения в зеркало — это попытка прошмыгнуть меж Сциллой и Харибдой, между двумя монстрами-крайностями рассыпания субъекта. Заметьте, у этих крайностей есть имена, это некие возможные персоны, и постсовременность всю заигрывает с ними, прикидываясь «съеденным» субъектом. Постмодернистский умирающий субъект занят рассмотрением того, как я смотрю на то, как я смотрю на то, как я смотрю... В этой ситуации простой и прямой вопрос «А как я выгляжу?...» способен повергнуть в оторопь.